

22. Филарет (Вахромеев), митрополит Минский и Слуцкий. Человек в истории. Минск : Св.-Елисавет. монастырь, 2008. С. 23–37.

23. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М. : Прогресс, 1988.

УДК 34(09)

Б.В. Назмутдинов, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва)

ПРАВО И ЭТИКА: СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ПРАВОУСТАНОВЛЕНИЕ» И «НОРМОУСТАНОВЛЕНИЕ» В ВОЗЗРЕНИЯХ ЕВРАЗИЙЦЕВ

Право не может собой заменить все социальные нормы, поскольку регулирует прежде всего внешние связи между людьми, регламентируя поведение. Оно начинает интересоваться мотивами, целями поведения в случае подозрения, что субъект права совершил правонарушение – именно в этом случае важно, почему он это сделал, какова форма вины и т. д.

«Нравственный максимум» право не устанавливает, лишь защищает – такова сформировавшаяся конвенция современной юриспруденции. Подвижничество, религиозное откровение ныне находятся вне сферы права – феномена по преимуществу европейского и секулярного. Однако несколько столетий назад это не было так очевидно, секулярное право медленно выросло из христианской и переосмысленной римской традиций. Право отграничило себя от религии и морали, не без помощи позитивизма, в конце Нового времени.

Декларируемая правом религиозная индифферентность не вековая аксиома, а результат исторического компромисса, поэтому важно понять иные пути осмысления социального значения права. Одной из попыток рассмотреть право на фоне других нормативных систем стала евразийская идеология 1920–1930 гг. Она позволяла по-новому взглянуть на относительность права, его «коррелятивность» с нравственностью и религией, соотношение собственно правового и законодательного регулирования.

Евразийцы предложили несколько понятий права, но всех объединяет то, что они видели его сущностью вне норм закона. Правовед Н.Н. Алексеев считал, что сущностью права является «правовая структура» – своеобразная форма, в рамках которой субъект, устремляясь к области ценно-

стей, выстраивает с ними специфические отношения: осознавая ценность в себе, он становится управомоченным, видя ценность в другом, – обязанным. В.Н. Ильин определял право как внешнюю форму религиозной по своему происхождению «правды». Л.П. Карсавин вслед за В.С. Соловьёвым и Г. Еллинеком считал право низшей границей нравственности.

Внезаконодательное определение права, предложенное евразийцами, повлияло на их характеристику «правоустановления», которое Н.Н. Алексеев отличал от законодательного «нормоустановления». Для того чтобы выявить подобное различие, необходимо обратиться к понятию нормы.

Можно считать типичным определение нормы, сформулированное М. Фуко. С одной стороны, норма понимается им как «правило поведения, абстрактный закон, принцип сообразности» (в человеческом обществе – как «социальная норма»), с другой – как «функциональная регулярность», здоровое состояние организма, «слаженный принцип [его] функционирования». Противоположностью нормы в первом значении будет «беспорядок», «чуждачество», «эксцентричность», т. е. отсутствие правил или уход от них; антонимом второго – «патология, болезнь, дезорганизация, дисфункция» [1, с. 198–200].

Н.Н. Алексеев интересуется нормой именно в первом значении. Социальная норма, по его мнению, устанавливает обязанность – образец должного поведения [2, с. 496]. Исходя из этой логики существо свободы предшествует норме, поскольку свобода «не отрицается, но подавляется путем внутреннего или внешнего давления» [3, с. 48]. Сущность свободы носит вненормативный характер, однако границы свободы задаются нормой. Задача последней – ограничить свободу лица во имя достижения определенной цели. Целью нормы может являться конкретный, достижимый результат (например, ради строительства дома нужно соблюдать техническую норму). Однако цель может заключаться и в самом факте исполнения нормы: нельзя красть не потому, что тебя накажут, но поскольку это само по себе неправомерно. Исходя из критерия цели, Н.Н. Алексеев и выделяет нормы, обладающие «относительным, условным характером», к которым относит «технические» (в том числе экономические) нормы и нравственные «нормы с безусловным обязательством» [2, с. 496]. Нравственные нормы мы и рассмотрим подробнее – в их взаимосвязи с правом.

Первым problemе соотношения права и нравственности в евразийских изданиях обозначил В.Н. Ильин в 1925 г. Автор определял право как «совокупность положений, в которых отражаются отношения членов общества и государства друг к другу во всей их возможно констатируемой полноте, и которыми в то же время эти отношения регулируются и направляются, исходя из представлений о должном, как абсолютной правде» [4, с. 306]. Право, по мнению автора, наряду с нравственностью

имеет своим основанием «правду» – внеэмпирическое (вненациональное и внетерриториальное) начало, основанное на христианской религии. Подобное единое начало проявляет себя как в праве, так и в нравственности, поэтому нельзя говорить о естественном праве как о нравственном основании права.

Ключевое влияние на это видение имела концепция Б.Н. Чичерина. Право и нравственность у В.Н. Ильина различается не по объему (как у В.С. Соловьёва), а качественно. В.Н. Ильин подчеркивал, что «право, обязываясь обеспечить формальную возможность (формальную свободу) произнесения морального суждения (суда), должно оставаться нейтральным (т. е. не входить со своим аппаратом в моральную квалификацию деяния). Только при таком типе соотносительности мораль санкционирует право, а право ограждает мораль – что и является нормой отношения обоих. Смещение же и разделение той и другой сферы приводят к взаимным деформациям» [4, с. 306–307]. Подобными искажениями, по В.Н. Ильину, являются своеобразные «морализация права» и «юридизация морали». В первом случае властвующий стремится к утверждению сугубо нравственных отношений между людьми путем правового регулирования: примером тому В.Н. Ильин считал деятельность советского строя, не допустимой по своей сути, поскольку право, реализующее себя как максимум нравственности, оборачивается насилием [4, с. 308]. Догматизация права, воплощение идеи о том, что право имеет в себе собственное основание, свободное от «правды», приводит, по мнению В.Н. Ильина, к разделению права и морали, что на уровне отдельно взятого индивида ведет к постепенной «юридизации морали». Человек, пусть даже и соблюдая право, постоянно преследует собственную, эгоистическую выгоду, не заботясь о нравственном, межчеловеческом содержании своих правовых поступков. Подобная догматизация права способствует распространению случаев так называемого «злоупотребления правом» – использования правомочия «во зло» другим, вопреки его цели.

Стремясь предотвратить подобные искажения, В.Н. Ильин пытается выявить единое в праве и морали, поскольку его нахождение позволит уяснить и особенное, что будет способствовать органическому взаимодействию права и морали, а не их экспансии в отношении друг друга. Подобное общее начало автор находит в понятии «правда», имеющей религиозное происхождение. «Правда» постулируется, она неverifiedируема и трансцендента, в ее действительность можно только верить [4, с. 309–310].

В целом можно признать, что через Б.Н. Чичерина В.Н. Ильин воспринял прежде всего взгляд И. Канта на соотношение права и морали. Право, по мнению В.Н. Ильина, в отличие от морали регулирует внешне выраженное поведение людей, оно не может постоянно входить в квалификацию внутренних мотивов и целей, в терминах И. Канта – «мате-

рии произвола». Именно поэтому В.Н. Ильин считал, что политические режимы, стремящиеся принудительными средствами регулировать мысли людей, искажают принципы права: право как внешнее регулирование начинает вторгаться в чуждую для него область мыслей и убеждений.

Тем не менее В.Н. Ильин не выстраивает последовательной теории права, ограничившись общей отсылкой к «правде»; какой-либо новой эвристической ценности их понятие права не имеет. По сути, перед нами вариация на тему классического естественного права с вкраплениями идей Канта и Гегеля. Вероятно, это понимали и родоначальники евразийства, поэтому они искали иные определения правовым явлениям.

Н.Н. Алексеев присоединился к евразийству в 1926 г. на фоне необходимости данных определений. Автор при этом рассматривал соотношение права и норм, содержащих безусловное требование, т. е. этических и религиозных. По мнению Н.Н. Алексеева, «в безусловных нормах должностное обладает особым, как иногда говорят, „самодовлеющим“ характером – иными словами, не вытекает из посторонних мотивов, но как бы с очевидностью вытекает из внутреннего содержания самой нормы» [2, с. 499]. Убийство аморально и противоправно не потому, что за его совершение человек может понести наказание, но поскольку оно само по себе аморально и противоправно.

Именно поэтому уголовно-правовые запреты как этические правила адресованы не только деликтоспособным лицам, но и всем способным понять значение этих запретов. Уголовный закон в здоровом обществе является «перечнем базовых этических запретов», о чем и пишет Н.Н. Алексеев, подчеркивая этическое значение уголовно-правовых норм [2, с. 506]. Автор наблюдает при этом двустороннюю связь права и нравственности. С одной стороны, законодатель, внося изменения в Уголовный кодекс, испытывает влияние нравственных норм. С другой – уголовный закон как источник права имеет определенную нравственную функцию: запрещая некоторые деяния как внеправовые, он во многих случаях запрещает и как поступки аморальные. Глубинное сходство нравственных и правовых норм обусловлено, по мнению автора, тем, что и первые, и вторые имеют своим основанием *ценности*.

Л.П. Карсавин считал основным правовым субъектом «симфоническую», коллективную личность, из чего и проистекала оценка права как низшего уровня нравственности; право у автора связано со справедливостью как низшей нравственной ценностью. Однако Н.Н. Алексеев считал справедливость основной правовой, а не нравственной ценностью. Он не только отвергал единство права и нравственности, но и отказывался воспринимать нравственность как нечто единое. Полагая субъектом общения прежде всего индивидуальную личность, ученый не мог избежать вопроса о различии нравственной автоно-

мни личности и норм позитивной морали, который снимался теорией «нравственного минимума», поскольку та вменяла индивиду нормы нравственного целого.

По мнению Н.Н. Алексеева, «личная нравственность» отлична от права, поскольку нравственное начало присуще не только человеку, но любому живому существу. Автор выделял низший уровень нравственной жизни – там, где есть любой жизненный порыв, средний – в связи с рассудочным осознанием человеком собственной деятельности, и, наконец, высший уровень – «стадия экстаза», когда человеком руководят некие высшие силы, абсолютное добро, подчинение которому он не может контролировать [5, с. 90–91].

Правоустановление Н.Н. Алексеев считал деятельностью рассудка, следовательно человеческой деятельностью, которая может быть как «выше», так и «ниже» нравственных явлений. Именно поэтому автор и не соглашался с мнением Л.П. Карсавина. Н.Н. Алексеев считал, что право может являться не только минимумом нравственности, но даже ее максимумом: «определение права, как минимума нравственности, подходит только к стадиям культуры, в которых произошел уже значительный разрыв „права“ с религией... Там же, где она [секуляризация] права не произошла, там установленный положительный закон далеко не ограничивается минимальными требованиями, но стремится максимально выразить в обязательных правилах всю систему жизни людей, вытекающую из известного религиозного и нравственного мирозерцания» [3, с. 24]. В подтверждение своих слов ученый приводил выдержки из Основных законов Российской империи: «Обещаю и клянусь Всевышним Богом... что хочу и должен Его императорскому Величеству... верно и нелицемерно служить...» [3, с. 24–25]. Иные нормы имперского законодательства, посвященные регулированию семейных отношений, также отражали максимально нравственные установки законодателя: «муж обязан любить свою жену, как собственное тело, жить с нею в согласии, уважать, защищать, извинять ее недостатки, облегчать ей немочи» [3, с. 26]. Автор также приводил в качестве примера положения законов Моисея.

По Н.Н. Алексееву, «максимально нравственные» нормы закрепляли в своем законодательстве либо государства религиозные (Древний Израиль), либо те, что стремились маскироваться под таковые (Российская империя). Подчеркивая возможность такого законодательного регулирования, ученый критиковал тех, кто именовал право этическим минимумом, поскольку они придавали исторически обусловленной концепции права в светском государстве всеобщий характер.

Н.Н. Алексеев отрицал, что справедливость по своей сути – низшая нравственная ценность. По его мнению, в результате рассудочного, правового признания ценности (без эмоционального ее переживания) происходит «сообразность познаваемого и познающего». Для справедливости достаточно этой сообразности: справедливости чужда оценка нравственной «истинности» поступка, обусловленной глубоким внутренним чувством. Справедливое решение – акт воздаяния равным за равное, его смысл – в адекватности воздаяния или награды, а вовсе не в том чувстве, какое испытывает воздающий или тот, кому адресовано его решение [5, с. 114]. Справедливость достигаема в «посюстороннем», а не идеальном мире. «Нормальный» правопорядок в общем и целом должен быть справедливым – и это не моральная его оценка. Право не может быть всецело нравственным, основанным на постоянном личностном отношении субъекта к совершаемым им правовым деяниям. Справедливость сама по себе носит сверхличный характер [5, с. 118].

Что же касается сравнения права и позитивной морали как регуляторов отношений, то в отличие от Л.И. Петражицкого Н.Н. Алексеев не считал, что мораль предусматривает лишь обязанных лиц, не определяя управомоченных. Напротив, мораль, как и право, также «атрибутирует», т. е. управомочивает, однако различие между ними «сводится именно к *совершенной определенности* и точности того, что „атрибутируется“ правом» [6, с. 130]. Автор риторически вопрошает: «Разве дружба не налагает самых настоятельных и иногда эгоистических требований, признаваемых как побудительные обязанности со стороны тех, к кому требования эти предъявляются?... [Однако] учение о „субъективных нравственных правах“ человека только потому и не могло возникнуть... что „права“ эти представляют собою нечто совершенно неопределенное» [6, с. 130].

Кроме того, исполнение моральных обязанностей неотделимо от личности исполняющего. Невозможно передать моральное право заботиться о своей матери. Это было бы попыткой перенести частноправовой принцип в область морали, поскольку «юридические шаблоны в области „лично-свободных“ правоотношений обладают... особой подвижной природой, они не связываются с определенным человеком, но могут свободно переходить с одного лица на другое» [6, с. 130].

Хотя публично-правовые «шаблоны, будучи связаны с определенным индивидуумом, [и] приобретают характер более или менее постоянных правовых свойств» [6, с. 130], само по себе стремление законодателя закрепить в публичном праве сугубо нравственные положения приводит к абсурду. Именно поэтому Н.Н. Алексеев критиковал имперские Временные правила от 29 июня 1899 г., связанные с отбыванием военной службы студентами, уволенными за беспорядки из высших учебных заведений: «циркуляр утверждал, что правила эти не имеют характера кары, напо-

тив, издавая их „любвеобильное сердце монарха желало избавить от окончательной гибели молодых людей, которые или вследствие увлечения, свойственного молодости, или вследствие жизненной неопытности и под влиянием более сильной, дурно направленной воли, впали в такого рода проступки порядка и благочиния учебных заведений, без права вновь поступать в оные“» [7, с. 178].

Налицо расхождение между интенцией законодателя, прикрывающегося благообразными нравственными формулировками, и настроениями студенческой корпорации («дважды наказывают за нарушение: отчисляют и принудительно отправляют на службу»), а также офицерства («подселяют бунтовщиков»). Тем не менее подобные несоответствия объяснялись не столько различием нравственных установок у властвующих и подвластных, сколько смешением понятий «нормоустановление» и «правоустановление».

К какой же группе нормоустановлений необходимо отнести правоустановление? Н.Н. Алексеев отвечает, что ни к какой правообразованию не сводится к правотворческой процедуре и государственному нормоустановлению. Оно является специфической деятельностью рас­судка по выявлению ценностей и соотнесению себя с ними, и только затем право обеспечивается обязательной силой со стороны государства, становясь «установленным правом».

Автор демонстрирует верность феноменологической традиции, основоположники которой стремились выявить закономерности деятельности сознания, абстрагируясь от «другого». «Другим» в случае права является деятельность государства. Последнее, по Н.Н. Алексееву, может выявить правовые правила, придав им обязательную силу, а может этого и не сделать. Вследствие этого неверно отождествлять правоустановление и нормоустановление: «по содержанию своему правоустановления сводятся к закреплению за какими-либо лицами свободы или мощи в каком-нибудь определенном отношении. Но свобода и мощь отнюдь не совпадают с тем, что называют должным... Правоустановления, следовательно, регулируют деятельность человека в обществе совсем в другом, даже прямо в противоположном направлении, чем нормы. Первые развязывают, освобождая, ставя только известные границы свободе; последние – связывают, обязывают, ограничивают и даже в известном направлении прямо отрицают свободу, принуждают человека делать не так, как он хочет, а так, как ему велит долг» [2, с. 508].

Н.Н. Алексеев представляет две отличные друг от друга модели государственного регулирования. В первой правоустановление доминирует над нормоустановлением: перед нами минимальное государство в духе Гумбольдта или Спенсера; во второй преобладает нормоустановление: мы наблюдаем идеальное государство Платона, либо государство военного коммунизма, либо так называемое «служилое государство».

Н.Н. Алексеев пытается диалектически снять противоречие между этими типами. Оптимальным для автора является государство, «в котором правоустановление и нормоустановление находятся в некотором организмом равновесии. <...> В противоположность коммунистическому государству государство этого типа так же культивирует правоустановительную деятельность, как и государство либеральное. Но в отличие от последнего оно связывает обладание правами с несением не только отрицательных, но и положительных обязанностей» [2, с. 511].

Характеризуя законодательное установление как смешанное, а не только как правовое, Н.Н. Алексеев настаивал, что в идеократии власть может осуществлять в форме закона и нравственное установление, не придавая ему при этом правового характера, например намечая цели развития. Однако необходимо, чтобы большинство подвластных разделяли нравственные нормы властвующих, иначе законы будут напоминать упомянутый нами циркуляр 1899 г.

Н.Н. Алексеев разделяет понятия закона и права, полагая, что сложности в установлении того, что такое закон и законодательство, кроются в определении правотворчества как процедуры специфического нормоустановления. Из-за этого смещения нормы, обладающие «техническим» или моральным характером, устанавливающие прежде всего обязанности, объявляются правовыми: «все остальные нормы, входящие в „сборное“ понятие права, – приходится называть „правовыми“ уже не в прямом, а в переносном смысле. И именно правовыми они становятся вовсе не в силу принудительной санкции, но потому что поставлены в некоторое отношение к правоположениям, ориентированы на этих последних. Пока такой ориентации нет, все разнообразные этические, технические и т. п. нормы остаются тем, чем они являются по своей природе. С того же момента, как они становятся в определенном положении к правоположениям, они в силу этой своей отнесенности причисляются к области права» [3, с. 67].

Н.Н. Алексеев критикует позитивистское отождествление права с законом. Даже когда внимательный позитивист пытается разграничить закон в формальном и материальном смысле, это деление порой условно, точнее, избыточно. Для него материей закона, за редкими исключениями (о чем скажем ниже), всегда будет право.

Например, дореволюционный юрист В.В. Ивановский различал закон в формальном и материальном смыслах так, как будто они являются двумя аспектами одного понятия. К «форме» закона относится то, что обуславливает порядок принятия акта, его высшую юридическую силу, материей же закона признается правовая норма. Различия между законом и особыми распоряжениями формально определены; в материальном отношении (характере правовых норм) эти различия непринципиальны. По этой причине автор и предлагает формальное, а не материаль-

ное понятие закона: «сказать, что закон должен иметь какое-либо определенное содержание, что он должен, например, устанавливать и регулировать правоотношения, это значит ставить субъекта верховной власти в известные пределы, приурочивать выражение его воли к определенным предметам. ограничивать, следовательно, суверенитет верховной власти и впадать, таким образом, в логическое противоречие. Закон есть выражение воли субъекта верховной власти» [8, с. 162].

Такое определение испытывает влияние концепции неограниченной власти монарха. Однако определение, распространенное в российской юриспруденции, отличается от дореволюционного не юридически, политически. Исходя из идеи разделения властей, закон должен быть принят законодательным (представительным) органом. «Общий» же характер законодательных норм устанавливается произвольно.

В силу этих причин Н.Н. Алексеев приходит к выводу, что материального понятия закона не существует: «формой закона могут обладать различного рода неправовые [точнее, внеправовые] нормы и что возможно даже такое законодательство, в котором правоположения будут сведены до минимума и которые будут состоять из совокупности технических инструкций. Нет ничего невозможного, что при таком законодательстве некоторые технические нормы будут обладать повышенной силой и будет проведено требование формальной законности. <...> Если же закон никаких прав не устанавливает, а накладывает одни технические, моральные или какие-либо иные обязанности, очевидно, прилагать к нему понятие права можно только очень условно» [2, с. 513].

Правовыми же являются только те положения, которые, непосредственно обращаясь к адресатам, наделяют их не только обязанностями, но и правами. Законодательные же установления, «...предоставляющие права, будут установлениями правовыми в прямом смысле этого слова. Законодательные нормоустановления будут „правом“ постольку, поскольку они отнесены к правоустановлениям» [2, с. 522]. Вследствие этого нельзя считать правовыми нормы, обязывающие лицо ежегодно платить налоги. Это суть нормы хозяйственные, т. е. технические. Права здесь нет, поскольку субъект, которому непосредственно адресовано данное положение, не наделяется правомочием, если, конечно, не считать его «правом» свободу определения формы выплаты суммы. Первична здесь обязанность гражданина, направленная на реализацию определенных (по мнению Н.Н. Алексеева, технических) задач государства. Вследствие необходимости решения этих задач государственные органы и наделяются контрольными функциями, реализуемыми в рамках их полномочий. Полномочие же есть правообязанность, сочетающая в себе начала правомочия и обязанности, но не являющаяся в чистом виде ни тем ни другим. Таким образом, норма о сборе налогов носит по своей сути хозяйственно-технический, а не правовой характер.

Аналогично и со службой в армии по призыву: обязанность служить отечеству может являться как нравственной, так и технической нормой, но никак не правоволожением. Ее цель – в обеспечении самозащиты данного государства, также это положение апеллирует к нравственному долгу лица защищать отечество. Правила же, регулирующие прохождение контрактной службы, являются в сущности правовыми, поскольку наделяют не только правами (базовым правом «служить» или «не служить»), но и возникающими в связи с прохождением данной службы обязанностями.

В коммунистической же формации принудительная организация (государство отрицается!) стремится регулировать отношения по образцу военного лагеря, творя не право, а технические нормы, устанавливающие, прежде всего обязанности: «изданные... нормы потеряли бы „правовой“ характер, стали бы чистыми нормами распорядка, быта, рабочей морали» [2, с. 522]. В подобном обществе существуют только обязанности. Правомочия лиц подменяются «правообязанностями» надсмотрщика заставляя человека исполнять свой долг. Именно поэтому Н.Н. Алексеев вспоминает о «Падении великого фетишизма» А.А. Богданова. Последний утверждал, что при коммунизме «будут действовать только чисто *технические*, а не *правовые* нормы – нормы чистой целесообразности, превратившиеся в привычку» [9, с. 6].

Таким образом, по мнению Н.Н. Алексева, право есть там, где наблюдается связь прав и обязанностей. Закон же в формальном смысле, по его мнению, есть закон в смысле точном. Материей же закона может быть как правоволожение, устанавливающее права и обязанности, так и норма (техническая или моральная), закрепляющая, прежде всего, обязанности. Автор устанавливает «логическую самостоятельность понятий закона и права», отрицая изучение закона в формальном и материальном смысле.

Можно обвинить ученого в том, что его внезаконодательное понятие права неинструментально. Следуя логике автора, субъекты права обязаны исполнять как собственные правовые, так и иные обязанности. Подлинно правовые же предписания могут как обладать обязательной силой, так и не обладать. Каково практическое приложение данных выводов? Что они могут в принципе объяснить в связи с исполнением законодательных норм? Трагическую разобщенность права и законодательства Н.Н. Алексеев считает нормальным явлением. Однако как поведут себя юристы-практики, если им объяснить, что они часто имеют дело вовсе не с правом, а с техническими и нравственными нормами, закрепленными в законе?

Тем не менее понятие права, предложенное Н.Н. Алексеевым, обладает эвристической ценностью. Оно позволяет проследить, каким обра-

зом в законодательстве отражены нравственные и технические нормы. Различение понятий права и государства позволяет увидеть нравственную и техническую сторону государства. Смысл подобного различения для евразийства в том, что оно обосновывает существование идеократии – государства, осознавшего свое внеправовое, положительно нравственное и «хозяйское» значение. Н.Н. Алексеев перенял евразийскую терминологию, оставшись при этом верным воззрениям Гуссерля и Петражицкого. Однако убедительность его тезиса – право есть там, где наблюдается связь различных начал (правомочия и обязанности), – очевидна в связи с договорными отношениями, т. е. в сфере частного права. В сфере публичного права это неочевидно, поэтому евразийцы и подчеркивали нравственно-правовой характер публичного права, базовым понятием которого стало понятие «правообязанности».

1. Фуко М. Ненормальные. М., 2004.
2. Алексеев Н.Н. Теория государства // Русский народ и государство. М., 1998.
3. Алексеев Н.Н. Религия, право и нравственность. Париж, 1931.
4. Ильин В.Н. К взаимоотношению права и нравственности // Евразийский временник. Кн. IV. Берлин, 1925. С. 305–318.
5. Алексеев Н.Н. Основы философии права. СПб., 1998.
6. Алексеев Н.Н. Введение в изучение права. М., 1918.
7. Алексеев Н.Н. В бурные годы // Новый журн. 1958. № 53. С. 172–188.
8. Ивановский В. В. Понятие о законе // Рос. юрид. журн. 2006. № 2.
9. Алексеев Н.Н. На правовом фронте // Новая Россия. 1937. № 28.

УДК 340.12

Л.О. Мурашко, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника экспертно-правового управления Конституционного Суда Республики Беларусь

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПРАВОВОЙ НОРМАТИВНОСТИ В АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ И ЕЕ ЦЕННОСТНОЙ ПРИРОДЕ

Представители различных гуманитарных отраслей знания сходятся во мнении, что ценности представляют собой «своего рода идеальный каркас, форму, которая определяет параметры, координаты деятельности людей во всех сферах их жизни... в истории больших и малых человеческих коллективов (общество, государство, церковь, семья) есть закономерность: разрушение их базовых ценностей влечет за собой либо гибель, либо радикальную трансформацию данных институтов» [1, с. 23].

Если ценность выступает как особая идеальная сущность, критерием социально признанного, то общество формирует на основании этой ценности должное, социокультурные образцы, модели поведения (и в результате соответствующую этому алгоритму, восходящему к ценностным предпочтениям, социальную практику), которые в силу значимости (в зависимости от уровня ценностного наполнения своего содержания) получают правовую форму. Термин «правовая форма» понимается в данном контексте как особая форма общественного сознания, структурирующая общественное взаимодействие особым образом, форма опосредования социальных процессов в соотношении с иными явлениями идеального порядка. Водораздел «субъект – объект», при котором понимание ценности как выражение отношения субъекта к объекту противопоставляется представлению о ценности как «особом качестве» объекта, которое «открывает» субъект, автор разрешает в пользу первого подхода, разделяя точку зрения, согласно которой, как отмечал Н.Н. Алексеев, субъект не только «абстрактная безликая персона, но существо духовное, имеющее духовную природу и потому определяющее духовный характер правовых устремлений» [2, с. 225].

Ценностная природа права базируется на ценностной природе социальной нормативности вообще. В нормативности как качественной характеристике социальной деятельности людей (общежительной нормативности) реализуется потребность накопления и закрепления наиболее устойчивых и типичных вариантов осуществления данной деятельности. Одновременно нормативность выступает как условие социальной деятельности человека. Начиная с самых ранних стадий формирования человеческого общества, нормативность отражает процесс упорядочения общественных отношений (в сфере родства, обмена, труда и т. д.). Н.В. Сильченко называет систему нормативного регулирования одним из самых значительных «сацьяльных адкрыццяў, згодна з якім найлепшым чынам грамадскія адносіны можна ўладкаваць шляхам стварэння разнастайных правілаў паводзін агульнага характару» [3, с. 52].

В процессе исторического развития явления, связи, отношения взаимодействуют, при этом нормативность выражает проявления этого взаимодействия, выступает формой их развития.

В рамках структуралистской этнографии большое внимание уделяется содержанию категории рода (в связке «свой – чужой»). Род является духовной целостностью, поэтому для человека традиционного общества родовые отношения служат предпосылкой осмысления социальных отношений, основой для построения социальных и мировоззренческих концепций. Первобытный человек для своего выживания в условиях окружающего его мира мог существовать только в коллективе, а коллектив – на условиях ко-

УДК 340.1
ББК 67.0
Э90

Под общей редакцией кандидата юридических наук, доцента *В.И. Павлова*,
кандидата юридических наук, доцента *А.Л. Савенка*

Э90 **Этические и антропологические характеристики современного права в ситуации методологического плюрализма** : сб. науч. тр. / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; под общ. ред. В.И. Павлова, А.Л. Савенка. – Минск : Акад. МВД, 2015. – 243, [5] с.

ISBN 978-985-427-927-5.

Сборник включает статьи, подготовленные участниками 3-го Международного научно-методологического семинара по проблемам классической и постклассической методологии юридической науки, состоявшегося в Академии МВД Республики Беларусь (24-25 апреля 2015 г., Минск). Ведущие правоведы Беларуси, России, Армении и Украины рассматривают этические и антропологические проблемы современного права в ситуации методологического плюрализма.

Предназначен для специалистов в области фундаментальных и отраслевых юридических дисциплин, преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов (курсантов) юридических вузов, а также всех, кто интересуется проблемами методологии современной юридической науки.

УДК 340.1
ББК 67.0

ISBN 978-985-427-927-5

© УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», 2015

ПРЕДИСЛОВИЕ

Международный научно-методологический семинар по проблемам классической и постклассической методологии юридической науки, который проводится в Академии МВД Республики Беларусь, стал одной из ведущих интеллектуальных площадок по исследованию актуальных вопросов правовой действительности в контексте классической и постклассической методологии юридической науки не только в Беларуси, но и на всем постсоветском пространстве. Организаторы семинара придают огромное значение развитию юридической науки в отношении ее методологии, поскольку современная правовая реальность требует, прежде всего, концептуального объяснения тех процессов, которые в ней происходят. Методологический дефицит присущ сегодня не только фундаментальным юридическим наукам, но и отраслевым дисциплинам, которые, как правило, в методологическом отношении строятся на основе общетеоретических разработок. Именно поэтому проблемное поле проводимого научно-методологического семинара всегда ориентировано не только на междисциплинарность обсуждаемого предмета, но и на его методологический анализ и решение.

3-й научно-методологический семинар, организованный 24–25 апреля 2015 г. Академией МВД Республики Беларусь в Минске, посвящен этическим и антропологическим характеристикам права в ситуации методологического плюрализма. Тема этического и антропологического содержания права является не только актуальной для современной юриспруденции, но и достаточно непроясненной, поскольку сегодня правоведение, прежде всего русскоязычная общая теория и философия права, переживает период методологического самоопределения, в том числе и в отношении вопроса о том, насколько и каким образом возможно включать этическое и антропологическое измерения в процесс познания права и его функционирования.

Для обсуждения этих проблем на семинар приглашены ведущие правоведы Беларуси, России, Армении и Украины. Особенность 3-го семинара заключается в том, что в нем наиболее полно представлена петербургская школа философии права, основатели которой еще в дореволюционный период заложили методологические основы исследования права в антропологическом контексте – эти традиции в рамках данной школы развиваются и сегодня (прежде всего, следует указать Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербургский филиал Национального

признаков суицидального поведения и кризисной терапии с участием специалистов кафедр психиатрии, психотерапии, наркологии государственных высших медицинских учреждений образования, психоневрологических диспансеров и психиатрических больниц с использованием руководства для врачей общего профиля «Профилактика самоубийств» (ВОЗ, 2004 г.) и руководства для лиц, оказывающих первичную медицинскую помощь «Профилактика самоубийств» (ВОЗ, 2005 г.). При оказании амбулаторной медицинской помощи, поступлении в стационары и в процессе оказания стационарной медицинской помощи принять меры по сбору анамнестических сведений с учетом профиля стационара и факторов риска суицидального поведения, взаимодействие которых может привести к формированию психопатологического механизма совершения суицидальных действий; раннему выявлению признаков суицидального поведения у пациентов организаций здравоохранения всех профилей; организации консультаций врача-психотерапевта, врача-психиатра, врача-нарколога, психолога и назначению лечения в соответствии с медицинскими показаниями в случае выявления у пациентов психических расстройств (заболеваний), факторов суицидального риска, признаков суицидального поведения. Также отражены факторы риска суицидального поведения, взаимодействие которых может привести к формированию психопатологического механизма совершения суицидальных действий. В качестве таких факторов определены социально-демографические, медицинские, биографические, индивидуально-психологические, а также указаны профили заболеваний, являющихся приоритетными в формировании психических расстройств и суицидальных признаков.

На наш взгляд, необходимо предусмотреть ответственность за оказание помощи в осуществлении суицида.

1. Дмитриев Ю.А., Шленева Е.В. Право человека в Российской Федерации на осуществление эвтаназии // Государство и право. 2000. № 11. С. 52–59.
2. Краснопольская И. Пособия для самоубийц // Рос. газ. 2013. 3 апр. С. 6.
3. Кичин В. Время читать // Рос. газ. 2013. 5 апр. С. 7.
4. Машинисты поезда спасли самоубийцу // Комсом. правда в Беларуси. 2013. 9 апр. С. 6.
5. О мерах по профилактике суицидов и оказании помощи лицам, совершившим суицидальные попытки [Электронный ресурс] : приказ М-ва здравоохранения Респ. Беларусь, 9 июля 2007 г., № 575. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-------------------	---

ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

<i>Хоружий С.С.</i> Новая антропология как наука наук о человеке	5
<i>Можейко М.А.</i> Новая антропология в условиях методологического плюрализма: этические и правовые импликации	21

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ ПРАВА

<i>Поляков А.В.</i> Энергичная антропология права и коммуникативный подход	40
<i>Малахов В.П.</i> Сущность правоспособности человека	54
<i>Василевич Г.А.</i> Судебный прецедент как правовая ценность: проблемы и перспективы закрепления в системе источников права	59
<i>Честнов И.Л.</i> Легитимация права в (пост)современном социуме	64
<i>Тимошина Е.В.</i> Классическое и постклассическое правопонимание: обобщение основополагающих особенностей	71
<i>Тиковенко А.Г.</i> Конституционные ценности и принципы как основа нормотворчества и правоприменения	79
<i>Стовба А.В.</i> Судьба и право: к переосмыслению правовой антропологии в контексте неклассической философии права	86
<i>Антонов М.В.</i> О самодостаточности нормативной юриспруденции (на примере вопроса о действительности права)	93
<i>Толстик В.А.</i> Ценностная детерминация правового поведения	101
<i>Данилюк С.Е.</i> Актуальные этические проблемы права в условиях ценностно-мировоззренческого конфликта современности	106
<i>Ветютнев Ю.Ю.</i> Некоторые аксиологические проблемы легитимации права ...	111
<i>Байтеева М.В.</i> Об особенностях прагматического понимания права	116
<i>Тонков Е.Н.</i> Правовая реальность и толкование права	130
<i>Павлов В.И.</i> Антропологическая концепция права и теория правоотношения	135
<i>Калинин С.А.</i> Методологическое значение христианской антропологии в юридической науке	145
<i>Назмудинов Б.В.</i> Право и этика: соотношение понятий «правоустановление» и «нормоустановление» в воззрениях евразийцев	152
<i>Мурашко Л.О.</i> Об особенностях правовой нормативности в антропологическом измерении и ее ценностной природе	162
<i>Перепелица Е.В.</i> Способы «имплементации» ценностей в современной правовой реальности	170
<i>Ковкель Н.Ф.</i> Антропологическая сущность права в контексте семиотического подхода и основные концепты правовой семиотики	175
<i>Казарян Т.М.</i> Проблема объективности права и морали с позиции аналитической философии права	184

ОТРАСЛИ ПРАВА

<i>Александров А.С., Герехин В.В.</i> Человек в уголовном процессе и проект критических правовых исследований русского уголовно-процессуального права	193
<i>Хомич В.М.</i> Законодательные и правовые основы интерпретации феномена «специальный субъект» преступления	201
<i>Бойко А.И.</i> О нравственно-антропологическом измерении уголовно-правовых знаний	208
<i>Саркисова Э.А.</i> Этико-гуманистические начала уголовного права: реалии и тенденции	216
<i>Марчук В.В.</i> Квалификация преступления как когнитивное движение квалификатора в герменевтическом круге	226
<i>Савенок А.Л.</i> Человек в уголовном праве, или Об антропологической недостаточности уголовно-правового регулирования	232
<i>Василевич Д.Г.</i> Право на жизнь и право на смерть	239

Научное издание

ЭТИЧЕСКИЕ
И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ
ХАРАКТЕРИСТИКИ
СОВРЕМЕННОГО ПРАВА
В СИТУАЦИИ
МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО
ПЛЮРАЛИЗМА

Сборник научных трудов

Редакторы: *М.Н. Колотуха, Н.И. Минич, С.А. Ржиновская*
Компьютерная верстка *Ю.С. Романюк*

Подписано в печать 16.04.2015. Формат 60×84^{1/16}.
Бумага офсетная. Ризография. Усл. печ. л. 14,42. Уч.-изд. л. 15,50.
Тираж 150 экз. Заказ 105.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».
Свидетельство о ГРИИРПИ № 1/102 от 02.12.2013.
ЛП № 02330/447 от 18.12.2013.
Пр-т Машерова, 6, 220005, Минск.